

Информация для цитирования:

Кулешова А. В. Опыт исследования дискурсивных маркеров в трудах отечественных лингвистов : функционально-прагматический и функционально-семантический подходы / А. В. Кулешова, Т. В. Слестникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 84—103. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-84-103.

Kuleshova, A. V., Slastnikova, T. V. (2024). Discourse Markers in Works of Russian Linguists: Functional-Pragmatic and Functional-Semantic Approaches. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 84-103. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-84-103. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Опыт исследования дискурсивных маркеров в трудах отечественных лингвистов: функционально-прагматический и функционально-семантический подходы

Кулешова Анна Васильевна¹

orcid.org/0009-0002-1494-5462

кандидат филологических наук, доцент

кафедра французского языка

корреспондирующий автор

ksas3@yandex.ru

Слестникова Тамара Васильевна²

orcid.org/0000-0001-9455-0254

кандидат филологических наук, доцент

кафедра романских языков

и лингводидактики

tomas59@mail.ru

¹ Высшие курсы иностранных языков

Министерства иностранных дел

Российской Федерации

(Москва, Россия)

² Московский городской

педагогический университет

(Москва, Россия)

Discourse Markers in Works of Russian Linguists: Functional-Pragmatic and Functional-Semantic Approaches

Anna V. Kuleshova¹

orcid.org/0009-0002-1494-5462

PhD in Philology, Associate Professor

Department of French Language

Corresponding author

ksas3@yandex.ru

Tamara V. Slastnikova²

orcid.org/0000-0001-9455-0254

PhD in Philology, Associate Professor

Department of Romance Languages

and Applied Linguistics

tomas59@mail.ru

¹ Higher Language Training Courses

of the Ministry of Foreign Affairs

of the Russian Federation

(Moscow, Russia)

² Moscow City University

(Moscow, Russia)

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме дискурсивных маркеров, освещаемой в работах российских ученых. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления существующих научных подходов к рассмотрению данных языковых единиц. Выполнен обзор научных трудов исследователей XX—XXI веков. Охарактеризованы ключевые позиции в трактовке дискурсивных маркеров в рамках таких лингвистических подходов, как функционально-прагматический и функционально-семантический. Уделяется внимание таким аспектам изучения данного языкового феномена, как терминологическая номинация и принадлежность к языковому классу или языковой категории. В статье рассматриваются функции дискурсивных маркеров в каждом из обозначенных подходов. Отмечается полифункциональность отдельных дискурсивных маркеров. Представлены результаты сопоставительного анализа известных на настоящий момент типологий и классификаций. В результате авторы приходят к выводу о необходимости классификации дискурсивных маркеров на основе нескольких показателей данных языковых единиц. Констатируется факт преобладания функционально-прагматического подхода в исследованиях дискурсивных маркеров. Признается нерешенным вопрос терминологической номинации. Отмечается перспективность дальнейших исследований в области дискурсивных маркеров с позиции других подходов.

Ключевые слова:

дискурс; дискурсивная частица; дискурсивный маркер; типология дискурсивных слов.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of discourse markers as illuminated by the works of Russian scholars. The relevance of the study is justified by the necessity of theoretical understanding of existing scientific approaches to the examination of these linguistic units. A review of scholarly works from the XX—XXI centuries is conducted. Key positions in the interpretation of discourse markers within linguistic approaches such as functional-pragmatic and functional-semantic are characterized. Attention is given to aspects of studying this linguistic phenomenon, such as terminological nomination and belonging to a language class or category. The functions of discourse markers in each of the identified approaches are discussed in the article. The polyfunctionality of individual discourse markers is noted. The results of a comparative analysis of current typologies and classifications are presented. As a result, the authors conclude on the necessity of classifying discourse markers based on several indicators of these linguistic units. The predominance of the functional-pragmatic approach in discourse marker research is acknowledged. The unresolved issue of terminological nomination is recognized. The potential for further research in the field of discourse markers from the perspective of other approaches is highlighted.

Key words:

discourse; discourse particle; discourse marker; typology of discourse words.

Опыт исследования дискурсивных маркеров в трудах отечественных лингвистов: функционально-прагматический и функционально-семантический подходы

© Кулешова А. В., Сластникова Т. В., 2024

1. Введение = Introduction

В течение долгого времени дискурсивные маркеры представляли собой предмет изучения главным образом зарубежных лингвистических исследований. Однако в последние десятилетия в связи с повышением интереса к исследованию различных дискурсивных практик [Ирисханова, 2014; Карасик, 2016; Михалева и др., 2022; Сулейманова, 2017; Шилихина и др., 2023] эта тема всё чаще поднимается в отечественных лингвистических кругах. Значимость подобных языковых единиц неоспорима. Они принимают участие в построении дискурса, обеспечивают его связность и целостность, помогают собеседникам устанавливать контакт и правильно интерпретировать высказывание.

Между тем по-прежнему остаются нерешенными некоторые проблемы. Во-первых, вопрос терминологической номинации. Напомним, что российский ученый С. В. Гринев-Гриневиц подчеркивает важность определения языковых единиц, призванных обозначить явления, которые изучаются в конкретной науке, и одновременно положение других специальных лексических единиц путем соотнесения именно с термином. Для правильного понимания сущности термина, по мнению автора, следует сформулировать приемлемое для всех определение на основе критического рассмотрения существующих дефиниций [Гринев-Гриневиц и др., 2022, с. 710]. Вариативность использования различных терминов по отношению к рассматриваемому языковому феномену достаточно высока. В отечественных исследованиях мы встречаем такие обозначения, как «дискурсивное слово» [Баранов и др., 1993; Викторова, 2014в; Ерофеева и др., 2019; Карасик, 2016; Киселева и др., 1998; Манаенко, 2017; Падучева и др., 2008; Хачатурян, 2000; Хитина, 2005; Шерстяных, 2016; Шляхов и др., 2022], «дискурсив» [Викторова, 2014а], «дискурсивные маркеры» [Голованова и др., 2018; Кибрик и др., 2009; Когут, 2016; Корсакова, 2017; Массалина и др., 2009; Путина, 2021; Хилханова и др., 2019; Шилихи-

на и др., 2023], «прагматемы» [Богданова-Бегларян, 2014], «дискурсные маркеры» [Каменский, 2007], «дискурсивные частицы» [Иванов, 2019; Кацман, 2017], «дискурсивные единицы» [Богданова-Бегларян, 2015], «дискурсивные элементы» [Авакова, 2017], «прагматические маркеры» [Богданова-Бегларян, 2019], «дискурсивные формулы» [Бейлинсон, 2008; Рахилина и др., 2021] и другие. Во-вторых, нет единого мнения относительно лингвистического статуса подобных языковых единиц. В-третьих, сложно определить четкие границы дискурсивных маркеров, а также обозначить критерии их выделения. В-четвертых, проблема типологизации и классификации. Процесс возникновения новых дискурсивных маркеров и переход некоторых из них в категорию устаревших, а также наличие множества подходов к исследованию данных языковых единиц не позволяют на настоящий момент представить их единую типологию и классифицировать по какому-то одному признаку в отдельно взятом языке. Последним нерешенным вопросом, который мы хотели бы обозначить, является проблема функционирования дискурсивных маркеров в разных типах дискурса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Еще в начале XX века лингвисты начинают проводить анализ единиц, выражающих субъективное отношение говорящего к сказанному и обеспечивающих связность речи. Так, например, А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» выделяет класс слов, которые «определяют сочетания со стороны тех или иных отношений, дают смысл или раскрывают значение этих сочетаний». Называя эти единицы союзами, ученый выделяет соединительные союзы, а также «союзы, обнаруживающие волю, настроение говорящего в пределах предложения» [Шахматов, 1925, с. 99], или выражающие мысли и цели говорящего.

Затем Л. В. Щерба, анализируя части речи в русском языке, приходит к выводу о существовании неких слов и выражений, которые нельзя отнести ни к какой из известных категорий. Формально это могут быть наречия, союзы, частицы, междометия (*надо, пора, жаль, черт вас всех подери! ах! уж и другие*), однако их функционирование в речи ставит под вопрос однозначное отнесение их к той или иной части речи [Щерба, 2004].

Другой классик отечественного языкознания В. В. Виноградов изучает модальные («вводные») слова и частицы, называя их частичными словами (*знать, дескать, мол, чай, де и т. п.*), ученый характеризует их как единицы, которые «не способны быть потенциальным минимумом предложения и лишены самостоятельного значения» [Виноградов, 1947, с. 10]. Исходя из этого определения, мы можем прийти к выводу о том, что В. В. Виноградов так же, как и его предшественники и современники, предпринимает

попытки исследования того, что в современной лингвистике обозначается *дискурсивными маркерами*.

С середины XX века в отечественной лингвистике начинается активное изучение данных языковых единиц в рамках становления коммуникативно-прагматического подхода как основного в филологических исследованиях, а затем они становятся предметом исследования и с позиции других теоретических подходов и теорий.

В связи с этим теоретическую базу данного исследования составляют труды отечественных специалистов, рассматривающих дискурсивные маркеры в рамках функционально-прагматического [Богданова-Бегларян, 2014; Богданова-Бегларян, 2019; Викторова, 2014а; Викторова, 2014б; Викторова, 2014в; Хачатурян, 2000; Шилихина и др., 2023] и функционально-семантического подходов [Баранов и др., 1993; Голованова и др., 2018; Зализняк и др., 2018; Иванов, 2019; Кацман, 2017; Хилханова и др., 2019].

При этом дискурсивные маркеры изучались и продолжают активно анализироваться в разных типах дискурса как в устной [Богданова-Бегларян, 2014; Богданова-Бегларян, 2019; Викторова, 2014б; Голованова и др., 2018; Ерофеева и др., 2021; Кибрик и др., 2009; Корсакова, 2017; Хитина, 2005; Шилихина и др., 2023], так и в письменной речи [Авакова, 2017; Викторова, 2014б; Викторова, 2014в; Зализняк и др., 2018; Когут, 2016; Михалева и др., 2022; Шерстяных, 2016].

Целью данной статьи является критический обзор некоторых из существующих в отечественной лингвистике точек зрения в отношении дискурсивных маркеров, сопоставлении и осмыслении функционально-прагматического и функционально-семантического подходов к исследуемому языковому явлению, выявление общих положений, а также различий в представлении данного феномена.

Основными методами исследования являются общелогические методы, такие как метод обобщения, анализа и синтеза; метод сравнения как метод эмпирического исследования, а также методы систематизации научного знания: типологизации и классификации.

В данной статье в качестве базового и наиболее точно отражающего сущность анализируемого понятия мы принимаем термин *дискурсивный маркер* (далее — ДМ).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Функционально-прагматический и дискурсивно-прагматический подходы в исследовании дискурсивных маркеров

Многие отечественные ученые рассматривают ДМ с позиции функционального и / или прагматического, а также дискурсивного подхода. Так,

например, Е. В. Хачатурян обозначает ДМ как *дискурсивные слова* и представляет их как текстообразующий элемент, улучшающий связность текста и устанавливающий отношения между коммуникантами. Кроме того, ДМ выражают отношение говорящего к сказанному и придают дополнительную характеристику содержанию высказывания (например, *guarda, cap/sc/* выделяют важную информацию, *diciamo* — неточную, *figurati, senti senti, ma guarda* — непредвиденную информацию, противоречащую знанию или ожиданиям говорящего) [Хачатурян, 2000, с. 7]. Иначе говоря, ДМ выполняют прагматические функции и представляют собой средство выражения категорий модальности и оценочности.

В качестве ДМ на примере итальянского языка ученый исследует полностью или частично десемантизированные отглагольные лексические единицы, выступающие в функции дискурсивных слов. Автор рассматривает ДМ как отдельный класс и представляет свою классификацию анализируемых единиц. ДМ делятся на три группы в зависимости от типа глагольной основы: 1) глаголы речевой коммуникации и слухового восприятия (*dire, parlare, sentire, ascoltare*), а также глаголы мысли и знания (*credere, pensare, capire, sapere*); 2) глаголы зрительного восприятия и воображения (*vedere, guardare, figurarsi*); 3) глаголы, исходное значение которых никак не связано с процессом коммуникации: *dai* (от *dare*), *ma va'/va'la'* (от *andare*), *scusa* (от *scusar*) [Хачатурян, 2000, с. 27].

Рассмотрим точку зрения Е. Ю. Викторовой. Автор обозначает анализируемый языковой феномен как *дискурсивное слово* или *дискурсив*, ставя знак равенства между этими терминами. Дискурсивные слова исследуются на материале научного дискурса и понимаются в этом случае как вспомогательные коммуникативные единицы, а именно: лексические единицы и устойчивые речевые обороты, помогающие коммуникантам создавать и воспринимать дискурс. Анализируя данное определение, мы приходим к выводу, что оно схоже с понятием дискурсивных формул, выводимых Е. В. Рахилиной и другими исследователями [Бейлинсон, 2008; Рахилина и др., 2021].

Е. Ю. Викторова не выделяет рассматриваемые слова ни в отдельный класс, ни в самостоятельную категорию. Однако она отмечает, что данная группа включает в себя вводно-модальные слова и обороты, союзы, частицы, модальные глаголы, слова знаменательных частей речи, междометия, и они классифицируются автором в соответствии с выполняемыми подобными словами функциями. Ученый выделяет дискурсивы-регулятивы, обеспечивающие связь между коммуникантами (*безусловно, certainly, довольно, мы предполагаем, приведем вывод, принципиально важно, именно, ну, скажем, even, only, I think, our study shows, I will illustrate this again, it is clear, actually, well, so*), и дискурсивы-организаторы, выполняющие тек-

стовую функцию (*начнем рассмотрение темы с..., итак, таким образом; в первую очередь, во-первых, как известно, отсюда, то есть, we'll start with, hence, to summarize, first of all, in the first place, I mentioned before, as we all know, therefore*) [Викторова, 2014б, с. 16—17].

В рамках данного подхода интересным видится исследование ДМ С. В. Когут, также обращающейся к изучению научного дискурса. Относя ДМ к некоему классу, в который входят разные частеречные единицы, ученый справедливо отмечает недостаточность одного лишь морфосинтаксического критерия для отнесения того или иного слова к этому классу [Когут, 2016]. В качестве основного показателя единицы как ДМ автор обозначает их функции и выделяет соответствующие типы функциональных ДМ:

1) ДМ, обеспечивающие глобальную связность (*в данной статье речь пойдет о; во-первых, во-вторых; итак; перейдем к анализу; как говорилось выше; как отмечено в работе X*) и локальную связность (*другими словами, то есть; однако; тем не менее; например; к примеру*) научного дискурса; 2) ДМ, выполняющие прагматические функции. К ним относятся ДМ, отражающие процесс взаимодействия говорящего и слушающего (*согласно; как пишет...; известно, что...; понятно, что...; не секрет, что...; общеизвестно; как известно*), а также ДМ, передающие отношение говорящего к сказанному (*возможно, очевидно, по-видимому, фактически, в сущности, к сожалению*) [Когут, 2016, с. 160—161].

Кроме того, автор, как и Е. Ю. Викторова [Викторова, 2014в], отмечает полифункциональность ДМ, то есть способность выполнять одновременно несколько функций. Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что любое слово или объединение слов, выполняющее обозначенные автором функции, является ДМ. Таким образом, мнение о функциональном критерии как единственном базовом для определения той или иной единицы как ДМ также можно поставить под сомнение.

Опираясь на исследования И. П. Массалиной и Е. Ю. Викторовой, О. И. Литвишко сопоставляет функционирование ДМ русского и английского языков в юридическом дискурсе, а именно на материале государственных политико-правовых документов. Изучая ДМ в русле функционально-прагматического подхода, автор акцентирует внимание на необходимости их междисциплинарного исследования, включая в свой анализ элементы политической лингвистики, социолингвистики, что нам кажется весьма интересным и заслуживающим внимания. Однако свою классификацию автор все же базирует исключительно на прагматическом значении ДМ и для каждого из анализируемых языков выделяет отдельные группы маркеров.

Из представленной О. И. Литвишко классификации следует, что большая часть выявленных групп ДМ свойственна обоим языкам: соединитель-

ные (*и, а, или; and*), противительные (*но, а; but*), причинно-следственные (*что, чтобы; so, as, because*), наречные (*конечно, именно, надо, нужно, вот; together, more than*), добавочные (*что, который (-ая, -ое -ые), если, также, даже, это; also, if*), однако некоторые группы ДМ используются только в русском языке — это лексические фразы (*считаю (что), безусловно, прежде всего, в том числе, в целом, при этом*) — или только в английском языке: с временным значением (*now, tonight, just, today, when*); перформативные (*will ('ll), should*); акцентивные (*this, that, all, that is (that's)*) [Литвишко, 2019, с. 37—40].

К. М. Шилихина и А. В. Малюгина также изучают ДМ с позиции функционального подхода, принимая во внимание прагматическое значение данных единиц. Ученые анализируют ДМ на материале художественного дискурса с точки зрения выполнения ими эмфатической функции. Авторы отмечают в том числе функцию организации дискурса и относят ДМ к классу слов-наречий [Шилихина и др., 2023]. Однако подобная позиция нам кажется не совсем верной. Основываясь на примерах, приводимых авторами (*it should be noted, as truly to tell*), отмечаем, что данная группа слов включает в себя более обширный пласт маркеров, или представленных в сочетании последних, или организующих самостоятельные конструкции.

Говоря о функционально-прагматическом подходе, мы считаем важным рассмотреть позицию Н. В. Богдановой-Бегларян, изучающей дискурсивные слова с точки зрения их использования в устной повседневной речи на материале русского языка. Ученый обозначает их как «прагматемы» ввиду того, что каждый дискурсивный маркер проходит процесс прагматикализации, претерпевая семантические изменения, при этом «повышается роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов» [Богданова-Бегларян, 2014, с. 10]. В класс прагматем автор включает несколько их разновидностей: междометные (*уас! будет тебе! Давай!*) и хезитативные (*э-э вот знаешь что; там (м...м); да там какие-то / эти самые ...я не знаю и другие*) прагматемы; маркеры поиска (*вот так знаете (э...э); это самое / э-э ну это / как его // э-э ну*); маркеры-рефлексивы (*или как сказать? или что? или как это? так скажем и т. п.*); метакоммуникативные маркеры типа: *вы знаете, что; понимаете? да? понимаешь? да?* и др. [Богданова-Бегларян, 2014, с. 11—15].

Отмечаем, что при классификации «прагматем» Н. В. Богданова-Бегларян рассматривает дискурсивные маркеры (*думаю, что; далее значит; знаешь*) как одни из видов, входящий в предлагаемый класс единиц. Однако, как нам кажется, приводимые автором примеры, позволяют говорить о том, что «прагматемы» и есть дискурсивные маркеры, выполняющие различные функции в устной речи. Кроме того, очевидно, что одна и та же

«прагматема» может входить в разные типы, что также может свидетельствовать о тождестве данных понятий.

С позиции функционально-прагматического подхода выполнено также исследование ДМ в молодежной онлайн-коммуникации [Мишиева, 2015]. Терминологически обозначая исследуемые единицы как *дискурсивные маркеры* и определяя их как особый класс единиц, Е. М. Мишиева опирается на точку зрения Б. Фрейзера [Fraser, 1999] и выводит следующую классификацию:

1) комментирующие маркеры: маркеры оценки (*amazingly, amusingly, annoyingly* и др.); маркеры манеры речи (*bluntly, confidentially, crudely* и т. д.); маркеры уверенности/неуверенности (*assuredly, certainly, clearly, conceivably, decidedly*); маркеры последующего эффекта (*at the risk of repeating, once again, to illustrate, to summarize*); маркеры источника информации (*it appears, it is rumored, it is said, reportedly, they say, be like*); маркеры смягчения (*if I may interrupt, unless I misunderstood things/you, if it's not too much trouble...*); маркеры эмфазы (*by no means, by no stretch of the imagination, definitely, I emphasize (strongly); like...*);

2) параллельные маркеры: обращения (имена, обращения по названию профессий: *doctor, bartender, teacher, judge*), местоимения (*you, everyone, everybody, anyone,*), обобщения (*bro, man, dude, guys, ladies, ladies & gentlemen, friends, dear followers*); маркеры недовольства (*damned, for the love of God, for the last time* и др.); маркеры солидарности или ее отсутствия (*that's my boy/girl/man, as your friend / mate, I'm not your bro/mate, dude*); маркеры согласия / несогласия (*right, true, certainly, I couldn't agree more* и т. д.); маркеры удивления (*wow, oh my god, whoa, no way, what*);

3) организационные маркеры: маркеры смены темы (*back to my original point, before I forget, by the way* и т. д.); маркеры противопоставления (*anyway, but, contrariwise, conversely, despite (this / that)* и др.); маркеры детализации / уточнения (*above all, also, alternatively, analogously, and, besides, by the same token*); маркеры причинно-следственной связи (*after all, all things considered, as a result, because of this/that, hence*) [Мишиева, 2015].

Автор так же, как и другие исследователи [Когут, 2016; Массалина и др., 2009], отмечает полифункциональность отдельных маркеров, в частности речь идет о ДМ *like* и *dude*.

В свою очередь И. П. Массалина, обозначая исследуемый языковой феномен как *дискурсивный маркер*, делает акцент прежде всего на его дискурсивных функциях. По мнению ученого, ДМ обеспечивают прежде всего цельность и связность дискурса [Массалина и др., 2009]. При этом автор отмечает, что большинство ДМ полифункциональны и способны осуществлять как внутритекстовые, так и межтекстовые связи. Автор под-

черкивает, что ДМ составляют неестественный функциональный класс единиц, в состав которых входят 15 групп ДМ: идентифицирующие маркеры, или маркеры сходства (*the, this, these, their*), неидентифицирующие маркеры, или маркеры различия (*another, other*); соединительные маркеры (*and*); контрастивные маркеры (*contrariwise, otherwise, contrastingly* и т. д.), локальные маркеры (*here, there, where*); темпоральные маркеры (*simultaneously, then, since, thereafter ...*); concessивные маркеры (*yet, still, anyhow, anyway, besides, at any rate, at all events...*); причинно-следственные маркеры (*then, thus, therefore, so, hence, because of*); целевые маркеры (*for that purpose, in order to, so that*); маркеры образа действия (*as (in) the way, how, the way in which, in the same way (as)*); маркеры условия (*if, in case, assuming (that), on condition (that)...*); детализирующие маркеры (*namely, and, or, the, also, this, that, their, in addition, additionally, on top of it all, above all ...*); результативные маркеры (*finally, in total, so, hence, as a result, consequently* и т. п.); заместительные маркеры (*this, those, that, he, she, one*); перечисляющие маркеры (*firstly, secondly, in the first place ...in the second place, for one thing ...for another thing, for a star*).

Важно отметить, что автор соотносит свою классификацию ДМ с традиционной грамматической классификацией частей речи, выделяя в каждой из групп соответствующие ДМ. В результате ученый выводит 6 групп единиц, выполняющих связующую функцию. К ним относятся союзы (*but, and, or, though, yet*), предлоги (*in contrast, in spite of, for instance*), артикли (*the, a/an*), местоимения (*this, that, their, he, she, one, those, in spite of that, at all events и др.*), наречия (*here, there, yet, still, however, thereafter, therefore, nevertheless, anyhow, anyway, likewise, otherwise, similarly, more than that ...*), а также существительные в составе словосочетаний служебного характера (*on the contrary, in contrast, by way of comparison, on the one hand ... on the other hand*) [Массалина и др., 2009, с. 218—223].

На наш взгляд, выделение двух классификаций не вполне целесообразно, обозначенные ДМ могут быть объединены в одну с детализацией частей речи внутри каждой из обозначенных групп ДМ.

3.2. Функционально-семантический подход в исследовании дискурсивных маркеров

Среди первых ученых, изучавших ДМ с позиции функционально-семантического подхода, были А. Н. Баранов, В. А. Плунгян и Е. В. Рахилина. В своей книге «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» авторы описали порядка 20 дискурсивных слов (*с трудом, едва, еле, немного, на самом деле, в самом деле, вообще, в принципе, просто* и др.) [Баранов и др., 1993]. Рассматривая ДМ как отдельный класс единиц, ученые делают акцент на роли ДМ в обеспечении связности текста, а также на их

участии в организации процесса взаимодействия говорящего и слушающего: в выражении оценки, мнения собеседников, пресуппозиции и прочего [Баранов и др., 1993, с. 7]. Именно этот труд стал впоследствии отправной точкой для многих исследований в области ДМ.

Так, например, Е. И. Голованова и Ю. И. Корсакова, изучая динамический аспект ДМ в устной речи, как и авторы «Путеводителя...», рассматривают их как особый класс десемантизированных единиц, основная функция которых заключается в регулировании дискурсивного поведения участников коммуникативного акта [Голованова и др., 2018, с. 224]. Е. И. Голованова и Ю. И. Корсакова анализируют ДМ разного «спектра действия», мотивируя это тем фактом, что функциональная семантика исследуемых единиц может меняться с течением времени. На основе этого критерия выбираются ДМ *авось, в принципе, вообще, на самом деле и как ни крути*. Несмотря на имеющиеся различия структуры и грамматических свойств, эти маркеры, по мнению исследователей, выполняют одну и ту же организующую роль в дискурсе. Ученые не выводят какую-либо классификацию ДМ, а лишь констатируют изменения в смысловых акцентах данных маркеров и приходят к выводу о способности ДМ к адаптации в зависимости от характера коммуникации [Голованова и др., 2018].

Работа А. А. Зализняк и Е. В. Падучевой также вписывается в рамки функционально-семантического подхода. Ученые анализируют русские ДМ *пожалуй, никак и все-таки*, так же, как и упомянутые выше исследователи, называя их *дискурсивными словами*. Авторы учитывают опыт объяснения значения ДМ с позиций различных школ семантического анализа, уточняя семантику обозначенных ДМ. Так, например, ДМ *пожалуй* выражает некое предположение, сопровождаемое удивлением. Что касается ДМ *все-таки*, то исследователи приходят к выводу о присущих ему пяти смысловых компонентах: «мнение W»; «мнение не-W»; «аргумент в пользу мнения W»; «аргумент в пользу мнения не-W»; «факт, подтверждающий мнение W». При этом рассматривается функционирование анализируемых ДМ в зависимости от цели высказывания в побудительных, утвердительных и вопросительных предложениях [Зализняк и др., 2018, с. 646–647].

Е. М. Кацман в качестве базового выбирает термин *дискурсивная частица*. Обоснованием данного выбора ученый считает тот факт, что и частицы, и дискурсивные слова выполняют одну и ту же функцию связности текста, отражая при этом процесс взаимодействия коммуникантов. Кроме того, по мнению автора, большинство модальных частиц функционально представляют собой дискурсивные слова [Кацман, 2017]. Данный аргумент нам кажется не совсем корректным, так как в таком случае термин дискурсивная частица может быть применим лишь к части маркеров, но не ко всему

многообразие выявленных на сегодняшний день ДМ. Автор не обозначает свою позицию относительно лингвистического статуса анализируемых частиц. Описывая «дискурсивную частицу» *как раз*, Е. М. Кацман опирается на функционально-семантический критерий и выявляет в качестве основного временное употребление данного ДМ: *...а вдруг да как раз в эту минуту донесется стук мотора*. Помимо этого, автор указывает на временное совпадение двух событий с замещением «темпорального компонента»: *Возможно, как раз теперь такой случай настал*. Среди прочих автор выделяет: пространственное употребление — *как раз за спиной*; использование для обозначения соответствия стандарту — *как раз хватает!*; употребление, акцентирующее рему высказывания — *как раз ложными личностями занимается*; выражение отношения говорящего к позиции собеседника, в частности выражение несогласия с последним или с информацией о положении вещей в тексте — *как раз не отпугивает* [Кацман, 2017, с. 143—146].

Интересным нам кажется исследование Э. В. Хилхановой и Д. Л. Хилханова, которые изучают функционирование ДМ в двуязычном дискурсе на примере бурятского и русского языков. Авторы используют наиболее употребительный термин *дискурсивные маркеры* и в качестве основной функции выделяют функцию структурирования дискурса. Ученые не выделяют ДМ в отдельный класс или категорию, отмечая, что ДМ — это не слова, относящиеся к конкретной части речи. В качестве ДМ могут выступать наречия, союзы, междометия, частицы, фразеологизмы, крылатые слова и т. п. [Хилханова и др., 2019]. Все это многообразие авторы классифицируют на основе функционально-семантических признаков и распределяют ДМ на 11 групп, среди которых выделяемые в том числе и другими исследователями: эффатические [Шилихина и др., 2023], эпистемические [Гладров, 2009; Чепурная, 2017; Миронова, 2023]; аксиологические [Артюхова, 2016].

В. Д. Иванов также проводит свое исследование ДМ в рамках функционально-семантического подхода. Автор рассматривает термин *дискурсивный маркер* как гипероним, с которым соотносит модальные слова, дискурсивные слова и дискурсивные частицы [Иванов, 2019, с. 15], изучению которых и посвящена работа данного исследователя. Подобное разделение нам видится логичным и методологически обоснованным, так как автор не разграничивает полностью эти понятия, а рассматривает их скорее в совокупности. Исследователь классифицирует дискурсивные частицы в соответствии с их этимологическими признаками и некоторыми свойствами на следующие группы: 1) собственно частицы (*äh, ähm, ja*) с интерактивным функциональным назначением; 2) частицы-междометия (*oh, ach, eh, na ja, hm, mhm*) с эмотивным функциональным назначением; 3) наречные частицы (*okay, also, gut*) со структурно-связующим функциональным назначением,

репрезентацией авторского начала, а также маркирующие позитивную реакцию; 4) отрицательные частицы (*nee, doch, nein*) с корректирующим функциональным назначением и маркирующие отрицание [Иванов, 2019, с. 7]. Кроме того, ученый анализирует функции дискурсивных частиц, отмечая их роль в построении и интерпретации высказывания, создании когерентности текста, маркировке последовательности изложения событий, а также в организации тематической связности текста [Иванов, 2019, с. 158].

Рассмотрим точку зрения Е. В. Захаркив, которая анализирует ДМ в письменной речи и обозначает их как *дискурсивные слова*. В своей классификации ДМ автор опирается на теорию М. Халлидея и Р. Хасан [Halliday et al., 1976], а также на концепцию Я. Машлера [Maschler, 2009], разделяя в результате ДМ в зависимости от уровней текста на метатекстовые ДМ (*в общем, итак, с другой стороны, следовательно, точнее, anyway, for example, so, therefore, thus*), структурирующие дискурс; контекстуальные ДМ (*бесспорно, вероятно, возможно, вот, уже, here, in fact, I think, now, perhaps, there*), включающие дейктические ДМ и маркеры эпистемической модальности; и интерперсональные ДМ (*да, нет, ну, o!, пожалуйста, like, no, please, well, wow, yeah*), выполняющие следующие функции: апеллятивную, хезитации и выражения эмоций говорящего [Захаркив, 2023, с. 57—58]. Одновременно с этим автор выводит свою типологию этих единиц, основанную на работах отечественных ученых [Баранов и др., 1993]. Представленная автором типология, с одной стороны, дублирует обозначенную выше классификацию, а с другой — детализирует ее, учитывая взаимодействие ДМ с контекстом. В этом случае исследователь выделяет функционально-семантические группы ДМ: метадискурсивные маркеры, которые включают в себя ДМ вывода (*в общем, итак, so, thus*), каузальной связи (*следовательно, therefore*), детализации (*точнее*), экзemplификации (*for example*), противопоставления (*с другой стороны, on the other hand, nonetheless, anyway*). Вторая группа — контекстуальные маркеры — делятся на ДМ субъективной модальности (*бесспорно, возможно, вероятно, in fact, I think, perhaps*) и ДМ характеристики ситуации во времени и пространстве (*уже, вот, now, here, there*). В группу интерперсональных ДМ входят реактивные маркеры (*да, нет, yeah, no*), фатические (*пожалуйста, please*), или этикетные маркеры, маркеры хезитации (*ну, well, like*) и эмоциональные ДМ (*o!, wow*) [Захаркив, 2023, с. 64—126]. Таким образом, Е. В. Захаркив изучает ДМ, комбинируя функционально-семантический и функционально-прагматический подходы.

Изучив лишь наиболее значительные подходы в исследовании ДМ, мы можем отметить также интересные исследования с позиции социолингвистики, в которых подчеркивается социальная детерминированность ДМ. Их выбор говорящими обусловлен такими факторами, как тип дискурса,

возраст, социальный статус, профессиональная деятельность [Каменский, 2007, с. 175].

4. Заключение = Conclusions

Обобщая все вышесказанное, констатируем интерес российских лингвистов к углубленному изучению ДМ в различных дискурсивных практиках в устной и письменной речи как на материале одного языка, так и в сопоставлении нескольких языков.

С целью осмысления и систематизации существующих научных подходов в изучении дискурсивных маркеров, предлагаемых отечественными исследователями, нами были детально проанализированы функционально-прагматический и функционально-семантический подходы. Обозначив ключевые позиции в трактовке рассматриваемых языковых единиц, подчеркнем, что первый из них преобладает при анализе и классификации дискурсивных маркеров.

Сопоставительный анализ известных на настоящий момент типологий и классификаций показал, что ученые, смешивая и отождествляя понятия класса и категории, не определяют однозначно свою позицию в данном аспекте исследования: ДМ могут рассматриваться и как отдельный класс, и как отдельная категория.

Принимая существующие классификации, предложенные российскими исследователями, не согласимся, однако, с позицией отнесения частиц к отдельно стоящим дискурсивным маркерам. Отмечаем также возможность перехода ДМ из одного вида в другой, а также их способность выполнять одновременно несколько функций. Многообразие существующих классификаций, не имеющих единой принятой лингвистами основы, не позволяет создать универсальную классификацию изучаемых единиц и, как следствие, приводит к дискуссии об отнесении тех или иных слов и групп слов к ДМ либо к отдельному предложенному типу в различных языках. Изученные классификации и подходы приводят к заключению о недостаточности одного показателя для отнесения слова или группы слов к ДМ. Следовательно, лишь совокупность функциональных, семантических и структурных показателей позволит привести к большей точности их распределения по типам и группам.

В заключение отметим, что несомненный интерес представляют исследования ДМ, как российских, так и зарубежных ученых, с позиции когнитивистики, социолингвистики и грамматики конструкций, получившие наибольшую популярность в последние десятилетия. С нашей точки зрения особого внимания и подробного изучения заслуживают вопросы номинации и типологии изучаемых единиц, а также когнитивные, социолингвистические и другие аспекты дискурсивных маркеров.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Авакова М. Л.* Гендерный аспект функционирования дискурсивных элементов в англоязычной лингвокультуре (на материале дискурса интервью и художественного дискурса) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. Л. Авакова. — Пятигорск, 2017. — 210 с.
2. *Артюхова И. С.* Аксиологические основания концептуального анализа образовательного дискурса / И. С. Артюхова // *Universum : психология и образование*. — 2016. — № 9 (27). — С. 7—10.
3. *Баранов А. Н.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. — Москва : Помовский и партнеры, 1993. — 207 с.
4. *Бейлинсон Л. С.* Дискурсивные формулы профессиональной речи / Л. С. Бейлинсон // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. — 2008. — № 5. — С. 42—46.
5. *Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи : определение понятия и общая типология / Н. В. Богданова-Бегларян // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. — 2014. — № 3 (27). — С. 7—20.
6. *Богданова-Бегларян Н. В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи / Н. В. Богданова-Бегларян // *Мир русского слова*. — 2015. — № 3. — С. 11—7.
7. *Богданова-Бегларян Н. В.* Один в поле не воин : о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи / Н. В. Богданова-Бегларян // *Социо- и психолингвистические исследования*. — 2019. — Выпуск 7. — С. 14—19.
8. *Викторова Е. Ю.* Дискурсивные слова : единство в многообразии / Е. Ю. Викторова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика*. — 2014а. — Т. 14. — Выпуск 1. — С. 10—15.
9. *Викторова Е. Ю.* Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи / Е. Ю. Викторова // *Филология и человек*. — 2014б. — № 4. — С. 15—27.
10. *Викторова Е. Ю.* Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов / Е. Ю. Викторова // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2014в. — № 2. — С. 18—22.
11. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — Москва ; Ленинград : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. — 783 с.
12. *Гладров В.* Модальные слова. К вопросу о частях речи / В. Гладров // *Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство*. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — С. 239—248.
13. *Голованова Е. И.* Функциональная семантика дискурсивных маркеров устной речи : динамический аспект / Е. И. Голованова, Ю. И. Корсакова // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. — 2018. — Т. 20. — № 4 (181). — С. 222—241. — DOI: 10.15826/izv2.2018.20.4.078.
14. *Гринев-Гриневич С. В.* Еще раз к вопросу об определении термина / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина, М. А. Молчанова // *Вестник Российского университета*

дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 710—729. — DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729.

15. *Ерофеева Е. В.* Дискурсивные слова в устной спонтанной речи : социальное, индивидуальное и тематическое варьирование / Е. В. Ерофеева, С. Е. Юшкова // Социо- и психолингвистические исследования. — 2019. — № 9. — С. 15—26.

16. *Зализняк А. А.* Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов : пожалуй, никак, все-таки / А. А. Зализняк, Е. В. Падучева // Russian Journal of Linguistics. — 2018. — Vol. 22. — С. 628—652.

17. *Захаркив Е. В.* Дискурсивные слова в новейшей русско- и англоязычной поэзии : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.8 / Е. В. Захаркив. — Москва, 2023. — 226 с.

18. *Иванов В. Д.* Функции дискурсивных частиц в немецком языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. Д. Иванов. — Мытищи, 2019. — 179 с.

19. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.

20. *Каменский М. В.* К вопросу о социолнгвистической парадигме дискурсных маркеров английского языка / М. В. Каменский // Наука. Инновации. Технологии. 2007. — № 50. — С. 171—178.

21. *Карасик В. И.* Дискурсивные слова как эмблемы личности / В. И. Карасик // Экология языка и коммуникативная практика. — 2016. — № 1. — С. 26—34.

22. *Кацман Е. М.* Дискурсивная частица *как раз* и ее функции в составе высказывания / Е. М. Кацман // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 139—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-139-150.

23. *Кирик А. А.* Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа : опыт корпусного исследования / А. А. Кирик, В. А. Подлеская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». — Москва : Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2009. — С. 390—395.

24. *Киселева К. Л.* Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания / К. Л. Киселева, Д. Пайяр. — Москва : Метатекст, 1998. — 446 с. — ISBN 5-89672-005-X.

25. *Корсакова Ю. И.* Дифференциация дискурсивных маркеров устной речи «На самом деле» и «в самом деле» / Ю. И. Корсакова // Челябинский гуманитарий. — 2017. — № 4 (41). — С. 28—33.

26. *Когут С. В.* Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе / С. В. Когут // Сибирский филологический журнал. — 2016. — № 2. — С. 157—163.

27. *Литвишко О. М.* Дискурсивные маркеры в государственных политико-правовых документах (на материале ежегодного послания президента Федеральному собранию РФ и ежегодного послания президента США Конгрессу) / О. М. Литвишко // Филология и человек. — 2019. — № 1. — С. 30—46. — DOI: 10.14258/filichel(2019)1-03.

28. *Манаенко С. А.* Функциональная типология дискурсивных слов / С. А. Манаенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2017. — № 1 (25). — С. 61—66.

29. *Массалина И. П.* Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела / И. П. Массалина, В. Ф. Новодранова. — Калининград : Издательство ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. — 278 с. — ISBN 978-5-94826-258-1.

30. Мишинева Е. М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. М. Мишинева. — Москва, 2015. — 233 с.
31. Миронова М. Ю. Динамика дискурсивных маркеров авторской позиции в англоязычной научной статье / М. Ю. Миронова // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3—2 (54). — С. 484—489.
32. Михалева Е. И. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе / Е. И. Михалева, И. В. Пушнина // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2022. — № 45 (1). — С. 113—124. — DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12.
33. Падучева Е. В. Дискурсивные слова и категории : режимы интерпретации / Е. В. Падучева // Исследования по теории грамматики : Грамматические категории в дискурсе. — Москва : Гнозис, 2008. — Выпуск 4. — С. 56—86.
34. Путина О. Н. Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве вопрос-ответ (на материале русского и английского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. Н. Путина. — Пермь, 2021. — 228 с.
35. Рахилина Е. В. Речевые акты как лингвистическая категория : дискурсивные формулы / Е. В. Рахилина, П. А. Бычкова, С. Ю. Жукова // Вопросы языкознания. — 2021. — № 2. — С. 7—27. — DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.
36. Сулейманова О. А. К вопросу о нормативности письменного академического дискурса / О. А. Сулейманова // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2017. — № 2 (26). — С. 52—61.
37. Хачатурян Е. В. Семантика и синтактика дискурсивных слов глагольного происхождения в современном итальянском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Е. В. Хачатурян. — Москва, 2000. — 172 с.
38. Хилханова Э. В. Дискурсивные маркеры в двуязычной речи : вопросы типологии и закономерности функционирования / Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Выпуск 7. — С. 256—260. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.55.
39. Хитина М. В. Просодическая архитектура устно-речевого дискурса : На материале русского языка : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.21 / М. В. Хитина. — Москва, 2005. — 387 с.
40. Чепурная А. И. Эпистемическая ответственность в политическом дискурсе (на материале пресс-конференции Д. Трампа) / А. И. Чепурная // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 35—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-35-44.
41. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1925. — 213 с.
42. Шерстяных И. В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы правда) / И. В. Шерстяных // Жанры речи. — 2016. — № 1 (13). — С. 42—49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-139-150.
43. Шилихина К. М. Дискурсивные эмфатические маркеры и особенности их функционирования в средневековом английском художественном дискурсе / К. М. Шилихина, А. В. Малюгина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — № 1. — С. 64—75. — DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/1/64-75.
44. Шляхов В. И. Дискурсивные слова в текстах. Учим понимать и применять дискурсивные слова в речевом взаимодействии / В. И. Шляхов, К. Е. Агафонова //

Русский язык за рубежом. — 2022. — № 1 (290). — С. 32—39. — DOI: 10.37632/PI.2022.290.1.004.

45. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 432 с. — ISBN 978-5-382-00617-8.

46. Fraser B. What Are Discourse Markers? / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. — 1999. — Vol. 31. — Pp. 931—952.

47. Halliday M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. — London : Longman, 1976. — 374 p.

48. Maschler Y. Metalanguage in interaction: Hebrew discourse markers / Y. Maschler. — Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. — 280 p.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024,
одобрена после рецензирования 15.06.2024,
подготовлена к публикации 18.06.2024.

References

- Artyukhova, I. S. (2016). Axiological foundations of the conceptual analysis of educational discourse. *Universum: psychology and education*, 9 (27): 7—10. (In Russ.).
- Avakova, M. L. (2017). *The gender aspect of the functioning of discursive elements in English-speaking linguoculture (based on the material of interview discourse and artistic discourse)*. PhD Diss. Pyatigorsk. 210 p. (In Russ.).
- Baranov, A. N. (1993). *A guide to discursive words of the Russian language*. Moscow: Pomovsky and Partners. 207 p. (In Russ.).
- Beilinson, L. S. (2008). Discursive formulas of professional speech. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5: 42—46. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2019). One in the field is not a warrior: on the “magnetism” of pragmatic markers in Russian oral speech. *Socio- and psycholinguistic studies*, 7: 14—19. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2014). Pragmatemes in oral everyday speech: definition of the concept and general typology. *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 3 (27): 7—20. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2015). Reflexive in the system of discursive units of Russian oral speech. *The world of the Russian word*, 3: 11—7. (In Russ.).
- Chepurnaya, A. I. (2017). Epistemic Responsibility in Political Discourse (on Materials of D. Trump’s Press Conference). *Nauchnyi dialog*, 7: 35—44. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-35-44> (In Russ.).
- Chitina, M. V. (2005). *Prosodic architectonics of oral-speech discourse: Based on the material of the Russian language*. Doct. Diss. Moscow. 387 p. (In Russ.).
- Fraser, B. (1999). What Are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*, 31: 931—952.
- Gladrov, V. (2009). Modal words. On the question of parts of speech. In: *Horizons of modern linguistics: Traditions and innovation*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 239—248. (In Russ.).
- Golovanova, E. I., Korsakova, Yu. I. (2018). Functional semantics of discursive markers of oral speech: a dynamic aspect. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities*, 20 / 4 (181): 222—241. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.4.078. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., Molchanova, M. A. (2022). Once again to the question of the definition of the term. *Bulletin of the People’s Friendship University*

- of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics, 13 (3): 710—729. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729. (In Russ.).
- Halliday, M. A. K., Hasan, R. (1976). *Cohesion in English*. London: Longman. 374 p.
- Hilkhanova, E. V., Hilkhanov, D. L. (2019). Discursive markers in bilingual speech: issues of typology and patterns of functioning. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12 (7): 256—260. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.55. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 320 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ.).
- Ivanov, V. D. (2019). *The functions of discursive particles in the German language*. PhD Diss. Mytishchi. 179 p. (In Russ.).
- Kamensky, M. V. (2007). On the question of the sociolinguistic paradigm of discourse markers of the English language. *Nauka. Innovation. Technologies*, 50: 171—178. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2016). Discursive words as emblems of personality. *Ecology of language and communicative practice*, 1: 26—34. (In Russ.).
- Katsman, E. M. (2017). Discursive Particles kak ras and Its Functions in Utterances. *Nauchnyi dialog*, 12: 139—150. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-12-139-150> (In Russ.).
- Khachaturian, E. V. (2000). *Semantics and syntactics of discursive words of verbal origin in the modern Italian language*. PhD Diss. Moscow. 172 p. (In Russ.).
- Kibrik, A. A., Podleskaya, V. A. (2009). Discursive markers in the structure of an oral narrative: the experience of corpus research. In: *Computational linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the annual International Conference "Dialogue"*. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities. 390—395. (In Russ.).
- Kiseleva, K. L., Payar, D. (1998). *Discursive words of the Russian language. The experience of contextual semantic description*. Moscow: Metatext. 446 p. ISBN 5-89672-005-X. (In Russ.).
- Kogut, S. V. (2016). Discursive markers in written scientific discourse. *Siberian Philological Journal*, 2: 157—163. (In Russ.).
- Korsakova, Yu. I. (2017). Differentiation of discursive markers of oral speech “In fact” and “in fact”. *Chelyabinsk Humanities*, 4 (41): 28—33. (In Russ.).
- Litvishko, O. M. (2019). Discursive markers in state political and legal documents (based on the material of the annual message of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation and the annual message of the President of the United States to Congress). *Philology and man*, 1: 30—46. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-03. (In Russ.).
- Manaenko, S. A. (2017). Functional typology of discursive words. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 1 (25): 61—66. (In Russ.).
- Maschler, Y. (2009). *Metalanguage in interaction: Hebrew discourse markers*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 280 p.
- Massalina, I. P. (2009). *Discursive markers in the English language of naval affairs*. Kaliningrad: Publishing House of FGOU VPO “KSTU”. 278 p. ISBN 978-5-94826-258-1. (In Russ.).
- Mikhaleva, E. I. (2022). Pragmatic features of hedging in academic discourse. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*, 45 (1): 113—124. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12. (In Russ.).
- Mironova, M. Y. (2023). Dynamics of discursive markers of the author’s position in an English-language scientific article. *Cognitive studies of language*, 3—2 (54): 484—489. (In Russ.).

- Mishieva, E. M. (2015). *Discursive markers in online youth communication (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Moscow. 233 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2008). Discursive words and categories: modes of interpretation. In: *Research on the theory of grammar: Grammatical categories in discourse, 4*. Moscow: Gnosis. 56—86. (In Russ.).
- Putina, O. N. (2021). *The functioning of discursive markers in dialogical unity question and answer (based on the material of Russian and English languages)*. PhD Diss. Perm. 228 p. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V. (2021). Speech acts as a linguistic category: discursive formulas. *Questions of linguistics*, 2: 7—27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27. (In Russ.).
- Shakhmatov, A. A. (1925). *Syntax of the Russian language*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 213 p. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (2004). *Language system and speech activity*. Moscow: Unified URSS. 432 p. — ISBN 978-5-382-00617-8. (In Russ.).
- Sherstyanykh, I. V. (2016). Discursive words as a means of organizing speech genres (on the example of the lexeme pravda). *Genres of speech, 1 (13)*: 42—49. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-139-150. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M., Malyugina, A. V. (2023). Discursive emphatic markers and features of their functioning in medieval English artistic discourse. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 1*: 64—75. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/1/64-75. (In Russ.).
- Shlyakhov, V. I., Agafonova, K. E. (2022). Discursive words in texts. We teach you to understand and apply discursive words in speech interaction. *Russian language abroad, 1 (290)*: 32—39. DOI: 10.37632/PI.2022.290.1.004. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A. (2017). On the issue of the normativity of written academic discourse. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education, 2 (26)*: 52—61. (In Russ.).
- Viktorova, E. Y. (2014a). Discursive words: unity in diversity. *Proceedings of the Saratov University. New series. Ser. Philology. Journalism, 14 (1)*: 10—15. (In Russ.).
- Viktorova, E. Y. (2014b). Discursive words of different types in oral and written scientific speech. *Philology and man, 4*: 15—27. (In Russ.).
- Viktorova, E. Y. (2014b). Pragmatic polyfunctionality of discursive words. *Bulletin of the Voronezh State University. Ser. Linguistics and intercultural communication, 2*: 18—22. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1947). *Russian language (Grammatical doctrine of the word)*. Moscow; Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House. 783 p. (In Russ.).
- Yerofeeva, E. V., Yushkova, S. E. (2019). Discursive words in oral spontaneous speech: social, individual and thematic variation. *Socio- and psycholinguistic studies, 9*: 15—26. (In Russ.).
- Zakharkiv, E. V. (2023). *Discursive words in the latest Russian- and English-language poetry*. PhD Diss. Moscow. 226 p. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Paducheva, E. V. (2018). The experience of semantic analysis of Russian discursive words: perhaps, in no way, after all. *Russian Journal of Linguistics, 22*: 628—652. (In Russ.).

*The article was submitted 05.05.2024;
approved after reviewing 15.06.2024;
accepted for publication 18.06.2024.*